

Berezovič, Elena L.

Московско-люблинские контакты : взгляд с европейско-азиатского пограничья

Etnolingwistyka 22, 269-270

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

nie udało się nam zebrać materiałów z całego obszaru Polesia z powodu katastrofy w Czarnobyliu, jednak to, co udało się zgromadzić, stało się podstawą materiałową i nawet ideową słownika *Starożytności słowiańskie* (do dziś ukazały się cztery tomy z zaplanowanych pięciu). Oba dzieła zbliżyły się do siebie po zmianie koncepcji słownika lubelskiego, który pierwotnie był pomyślany jako słownik folkloru, później zaś rozszerzył swój zakres na całą kulturę ludową, w tym też na obrzędy, wierzenia, działania powszednie i inne formy i gatunki kultury ludowej.

Różne są wymiary naszych słowników: słownik lubelski zawiera materiał językowy i kulturowy jednej tradycji – polskiej, słownik zaś moskiewski – materiał z całej Słowiańszczyzny. Każda z tych koncepcji ma tak swoje zalety, jak i wady. Skoncentrowanie się na jednej tradycji pozwala ująć materiał wszechstronnie i z wielką szczegółowością, czego rzecz jasna nie da się zrobić w przypadku operowania materiałem ogólnosłowiańskim. Słownik lubelski więc jest dla nas nieosiągalnym wzorcem doskonałości i dokładności w opracowaniu danych językowych i kulturowych. Z kolei wymiar bardziej szeroki, ogólnosłowiański, nie raz daje więcej możliwości interpretacji faktów, których nie da się wyjaśnić i powiązać w ra-

mach tylko jednej tradycji narodowej. Z teoretycznego punktu widzenia słownik etnolingwistyczny o charakterze ogólnosłowiańskim (podobny do moskiewskich) powinien być poprzedzony przez serię słowników, poświęconych poszczególnym tradycjom słowiańskim (bliskich lubelskiemu). Ale nauka rozwija się zgodnie z możliwościami. Więc powstające w Lublinie i w Moskwie dwa dzieła słownikowe o różnych zadaniach i wymiarach, ale o wspólnej „ideologii” naukowej, otwierają dalsze perspektywy dla badań kultury ludowej i dają nam wyjątkowy przykład dobrej międzynarodowej współpracy naukowej w dziedzinie słowianoznawstwa.

Kontakty naukowe moskiewsko-lubelskie przybrały też wiele innych form, takich jak wymiana informacji i wydawnictw, publikowanie tekstów rosyjskich autorów w Polsce i polskich (lubelskich) w Rosji, udział we wspólnych konferencjach itp. Zresztą o tym już dzisiaj mówiono.

Chcę raz jeszcze serdecznie podziękować wszystkim za to uroczyste spotkanie z okazji podwójnego jubileuszu – prof. Jerzego Bartmińskiego i mojego oraz złożyć gratulacje i najlepsze życzenia zdrowia i dalszych sukcesów mojemu współjubilatowi i wieloletniemu przyjacielowi, prof. Jerzemu Bartmińskiemu.

Елена Л. Березович
Московско-люблинские контакты:
взгляд с европейско-азиатского
пограничья

О союзе Московской и Люблинской этнолингвистических школ говорилось и говорится много важного и интересного. Я хочу взглянуть на этот замечательный научный и человеческий феномен с иной стороны – предсказуемой и вместе с тем неожиданной. Продуктивность московско-люблинских контактов, среди прочего (взаимообмена идеями, литературой, конференций, встреч etc.), выражается в том, что у этих двух школ есть научные наследники, «дети», причем появились они далеко за географиче-

скими пределами Москвы и Люблина. К ним – если то будет позволено – хочу причислить, в частности, сравнительно молодую группу этнолингвистов с европейско-азиатского пограничья, из Екатеринбургa, которую имею честь представлять.

Мы можем считать Москву своей «матерью», а Люблин – «отцом». Сначала мы учились у представителей этих школ «дистантно», читая их научные труды. Потом была радость личных знакомств. Попадание в московский «толстовский круг» повлекло за собой почти немедленное попадание в люблинский. Сейчас, когда я оглядываюсь назад, на годы наших встреч (2000–2010), понимаю, что иначе и быть не могло: для Светланы Михайловны Толстой и ее коллег наше крещение в славянской этнолингвистике не мог-

ло произойти без знакомства с люблинцами. Мы стали ездить в Москву и Люблин на конференции и принимать у себя встречные визиты, публиковаться в изданиях друг друга и т. п. При этом наши контакты не являются «представительскими». Мы занимались и занимаемся именно совместной работой: совместные экспедиции, участие в проектах друг друга (к примеру, нам выпала честь составить несколько статей для словаря «Славянские древности»), стажировки в Москве и Люблине и др. Это повседневная и вместе с тем праздничная работа – насыщенная и радостная, потому что подогревается теплом личной дружбы.

Отмечу еще одно важное (и для меня определяющее) обстоятельство: наши связи не замкнуты на уже состоявшихся ученых, «профессоров», а имеют ярко выраженную направленность на молодежь. Екатеринбургские студенты, аспиранты, молодые кандидаты наук регулярно получают счастливую возможность пройти стажировку в ведущем научном центре – и при этом они не предоставлены сами себе, а окружены доброжелательным вниманием. На стажировках в Люблине побывали Е. Д. Казакова, Ю. А. Кривошапова, К. В. Пьянкова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина (не говорю уже о себе) – и, думаю, этот список будет расширяться. Хорошо понимаю, что «принимающая сторона» отдает этому слишком много времени и сил, но в то же время знаю – без всякого обсуждения и проговаривания вслух – что наши друзья не считают подобные затраты пустыми или осуществляемыми только из дружеского долга: так же, как мы, они уверены в том, что молодые головы и души – лучшее «вложение» накопленного научного и человеческого «капитала».

За названиями школ стоят прекрасные человеческие лица – в первую очередь, лица наших сегодняшних юбиляров – Светланы Михайловны Толстой и Ежи Бартминьского. О Светлане Михайловне здесь уже говорилось, и я, на правах гостя, хочу сказать несколько слов о принимающем нас «хозяйине» – профессоре Бартминьском. Не перечисляя его научных заслуг (о них надо писать отдельные обзоры и книги – и это уже

делается), подчеркну то, что не вмещается в научные обзоры, но создает обаяние этой творческой личности: для Ежи Бартминьского его наука – не род деятельности (пусть даже любимый и успешный), а его собственная картина мира, его активная гражданская позиция, поприще, где органично проявляется его мощная энергия, лучистый оптимизм, непобедимое человеколюбие. В ней он не просто удовлетворяет интерес или любопытство, – он ищет с ее помощью и проясняет для себя собственные ценности. Он очень любит давать своим статьям вопросительные названия, отражающие «преподавательскую», эвристическую манеру построения научного текста: «На чем основана сила колядки?», «Что мы можем узнать из стереотипов?», «Как изменился языковой образ немца в Польше?», «Полифоничность текста или субъекта? Субъект в диалоге с самим собой» etc. Этот «субъект научного познания» в вечном диалоге с собой – диалоге, который с необходимостью становится значимым для других: настолько притягательна его личность. Он имеет право писать о ценностях, поскольку сам есть большая человеческая ценность.

Мы не смогли бы здесь собраться, если б Ежи Бартминьский не был неутомимым «синтезатором» и «объединителем». Его этнолингвистика объединяет традиционную для этой науки проблематику народной культуры с изучением современного политического дискурса; его фольклористика синтезирует текстологию, прагматику фольклора и лингвокультурологию. Он соединяет не только научные темы и направления, но и людей. Ему удалось собрать ученых Польши, инославянских и даже неславянских стран вокруг журнала «Etnolingwistyka», бессменным главным редактором которого он является, а затем – вокруг этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов, которую он возглавляет. Люблин превращен им в столицу славянской этнолингвистики.

От души поздравляем нашего коллегу и друга с юбилеем! Вспоминая его любимую русскую песню «Я люблю тебя, жизнь», пожелаем взаимной любви к нему жизни.